

Крѣпость вотскаго язычества.

I.

Къ принятію христіанства побуждало вотяковъ не столько убѣжденіе ихъ въ исключительной истинности и спасительности христіанской вѣры, сколько предоставленіе новокрещенымъ разнаго рода льготъ, преимущественно по уплатѣ податей и отбыванію тягостной рекрутской повинности. Новокрещенный освобождался на 3 года отъ платежа податей, почему въкоторые крестились по 2 и по 3 раза ¹⁾. Впослѣдствіи, когда за крещеныхъ платили подати нужно было некрещенымъ, послѣднимъ предстояло одно изъ двухъ — или разоряться отъ непосильнаго обложенія, или принимать крещеніе ²⁾. Миссіонеры нерѣдко пренебрегали оглашеніемъ ³⁾, и заботились лишь о томъ, чтобы поскорѣе и побольше вотяковъ крестить. Многіе вотяки, окрестившись, не считали себя обязанными жить по новой вѣрѣ, а возвращались къ прежней языческой жизни: въ церковь не ходили, дѣтей своихъ не крестили, усопшихъ хоронили на деревенскихъ кладбищахъ, безъ христіанскаго погребенія, отъ встрѣчи съ духовенствомъ всѣми способами уклонялись, а болѣе настойчивыхъ миссіонеровъ встрѣчали дубьемъ и кольями ⁴⁾. Причты доносили, что „прихожане ихъ новокрещенные, хотя напредь сего, имѣя боязнь и страхъ отъ бывшихъ у нихъ управителей офицеровъ, были нѣсколько къ церкви святой подвижны и рачительны, но нынѣ, понеже низакихъ понуждателей не имѣютъ, увѣщаніевъ же ихъ

¹⁾ П. Лупповъ. Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ ист. извѣстій о нихъ до XIX вѣка. 1 изд. Стр. 100.

²⁾ Тамъ же. Стр. 136.

³⁾ „Многіе изъ вотяковъ предъ крещеніемъ не были сбучаемы ничему“. Тамъ же. Стр. 152.

⁴⁾ Лупповъ. Христіанство у вотяковъ. Стр. 303—308, 312 и дал.

священно-церковно-служительскихъ со смиреніемъ и кротостію духовною не только не слушаютъ, но и ни во чтоже вѣнчаютъ“¹⁾).

Справедливость требуетъ сказать, что были среди пастырей и достойные, ревностные миссіонеры, но, хотя ихъ проповѣдь сопровождалась и болѣе существенными и устойчивыми результатами, все же и среди ихъ паствъ наблюдались неискренность въ христіанствѣ и даже уклоненія въ язычество. Слишкомъ уже возвышенна была Христова вѣра для этихъ дикарей, слишкомъ рѣзокъ переходъ отъ грубаго, чувственнаго язычества къ духовному христіанству²⁾. Съ другой стороны, удаленность церквей и духовныхъ пастырей и близость сосѣдей язычниковъ также не благоприятствовали укрѣпленію въ прозелитахъ преданности церкви. Даже у такихъ великихъ миссіонеровъ, каковъ былъ Святитель Стефанъ Пермскій, нѣкоторые новокрещенные зыряне приходили въ церковь „не яко спасенія требующе, или молитвы ради пририщующе, но видѣти хотяще красоты и доброты и зданія церковнаго, и бяху наслаждающесе зрѣньемъ пребываху и пакы отхождаху“³⁾; были даже уклоненія зырянъ въ язычество, напр., гамичей, съ насмѣшкой кричавшихъ Святителю, что они опять ѣдятъ лошадей и бѣлокъ, принесенныхъ идоламъ, и вновь уклонившихся въ язычество, послѣ вторичнаго увѣщанія ихъ Святителемъ и возвращенія въ Православіе⁴⁾

Приверженность крещеныхъ вотяковъ къ ихъ прежней, языческой, религіи издавна беспокоила духовное начальство,

¹⁾ Тамъ же. Стр. 307.

²⁾ Нѣкоторые усѣхи мусульманства среди инородцевъ можно объяснить болѣе доступностію требованій этой религіи ихъ умственному и нравственному уровню.

³⁾ Житіе св. Стефана, составленное ученикомъ его Епифаніемъ. Цитую по соч. о. А. Краснова: „Зыряне и св. Стефанъ Пермскій“. Стр. 164.

⁴⁾ Тамъ же. Стр. 206—207.

которое предписывало подвѣдомственному духовенству искоренять языческіе обычаи среди новокрещенныхъ. Нѣкоторыя мѣры, направленныя къ этой цѣли, были очень рѣшительны; напр., широко практиковалось разрушеніе молитвенныхъ вотскихъ шалашей, гдѣ язычество было уже слабо. Тамъ же, гдѣ оно имѣло болѣе крѣпкіе корни, подобныя рѣшительныя мѣры не подходящи, какъ показываютъ недавнія печальныя событія въ Елабужскомъ уѣздѣ. Въ такихъ случаяхъ руководители инородческой миссіи рекомендуютъ, какъ временныя мѣры, освященіе инородческихъ мольбищъ молебствіями, св. водой и постановкою крестовъ, иконъ и даже часовенъ, приуроченіе крестныхъ ходовъ ко времени языческихъ моленій и т. п.

Такъ или иначе, аще виною, аще истиною, Христосъ проповѣдаемъ есть (Филипп. 1, 18) вотяку. Но тамъ, гдѣ мало заботятся о вразумленіи его въ ученіи христіанскомъ, гдѣ онъ не слышитъ проповѣди и богослуженія на родномъ ему языкѣ, гдѣ правильно поставленную школу не считаютъ необходимою союзницею миссіи, тамъ создается двоевѣріе, такъ характеризующее церковно-бытовую фізіономію многихъ вотскихъ приходовъ. Вотякъ не отрицаетъ вполнѣ христіанства, но считаетъ болѣе удобнымъ для себя обходить его законы, будучи увѣренъ, что христіанство—религія собственно русскихъ, какъ мусульманство—татаръ, язычество—инородцевъ и пр. О дарованіи Богомъ разнымъ народамъ многихъ вѣръ существуютъ у вотяковъ особыя легенды ¹⁾.

II.

Вотяки двоевѣры ходятъ молиться въ церковь, но очень рѣдко, обыкновенно лишь въ наиболѣе чтимые ими

¹⁾ Календарь Вятской губерніи на 1903 годъ. Стр. 12—13.

праздники, какъ то: Рождество Христово, Богоявленіе, Вербное воскресеніе, Пасху, Пятидесятницу, дни Свв. Петра и Павла, Пр. Иліи, Повровъ Пр. Богородицы. Къ этимъ праздникамъ вотяки приурочили свои прежніе языческіе праздники, „чтобы не было двойного расхода на пиво и кумышку“. ¹⁾ Только начало христіанскихъ праздниковъ не всегда совпадаетъ съ одноименными вотскими. Вотякъ начинаетъ праздновать, разрѣшая на вся, накануне, а то и еще раньше. Однажды я приѣхалъ въ деревню А. своего прихода около 20 декабря, и увидѣлъ, что полна улица вотяковъ, гуляющихъ въ праздничныхъ одеждахъ, съ пѣснями. На мой вопросъ, что у нихъ за веселье, одинъ изъ вотяковъ простодушно отвѣтилъ: „А вотъ старикъ надумалъ Рождество дѣлать!“ Характерно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вотяки называютъ село не черко-гурт (деревня съ церковью), а—базар; слѣдовательно наиболѣе примѣчательною особенностію села является для нихъ—торговля, а не церковь съ ея богослуженіемъ. Но ошибочно было бы дѣлать заключеніе, что вотякъ вообще равнодушенъ къ молитвѣ. Напротивъ, онъ очень религіозенъ, но, при приверженности своей къ старой языческой вѣрѣ, удовлетворяетъ свою религіозную потребность частыми языческими моленіями, многолюдными общественными и домашними. Моленія эти часто носятъ на себѣ нѣкоторые внѣшніе слѣды христіанства. Въ молитвенныхъ шалахахъ, напр., не рѣдко бываютъ иконы, при моленіяхъ ставятъ возженные самодѣльные восковыя свѣчи ²⁾, употребляютъ освященныя въ недѣлю вайй вербы и т. п. Вотякъ склоненъ приравнять своихъ языческихъ боговъ—къ христіанскимъ святымъ. У Первухина записана такая мо-

¹⁾ Н. Первухинъ. Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизъ II. Стр. 20, 23, 24, 26—29, 102.

²⁾ У вотяковъ есть загадка: „маленькій съ плачемъ молится *Квазю*“—восковая свѣча. Первухинъ. Эскизъ III. Стр. 79.

литва: „Воршудь, и вы, духи ключей, холмовъ, подыматели новей, и ты, дядя лѣшій, и ты, Илья пророкъ, и ты, Кузьма-Демьянъ, вмѣстѣ пожадуйте ѣсть и пить! Соблаговолите! будьте здоровы!“¹⁾ Бываютъ у вотяковъ чисто языческія жертвоприношенія даже „Христосу“²⁾. „Въ языческихъ молитвахъ вотяковъ нѣтъ какихъ-либо хвалебныхъ гимновъ или витѣватыхъ благодареній: въ своихъ молитвахъ вотякъ просто указываетъ, что „вотъ-де я приношу вамъ, боги, въ жертву то-то и то-то; если вы исполните мою просьбу, то я вамъ и еще то-то и то-то принесу“. Такимъ образомъ вотская молитва чаще всего напоминаетъ собою торговую сдѣлку, а вотское богослуженіе состоитъ обязательно изъ двухъ частей: изъ принесенія жертвы и изъ просьбы о испосланіи всякихъ благъ земныхъ, — при чемъ вмѣсто словословія христіанской молитвы въ нихъ являются обѣты новыхъ жертвъ“³⁾. Молится вотякъ больше всего о себѣ и своемъ семействѣ, иногда еще и о добрыхъ сосѣдяхъ, но не возвышается до молитвы о всемъ мірѣ. Идеальныхъ, духовныхъ благъ онъ не ищетъ, о загробной участи не беспокоится, о грѣхахъ своихъ не помышляетъ. Последнее я утверждаю какъ на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, такъ и на основаніи авторитетнаго свидѣтельства г. Первухина, который въ массѣ собранныхъ имъ вотскихъ молитвъ ни въ одной не нашелъ упоминанія о грѣхахъ⁴⁾.

Вотякъ и на христіанство смотритъ съ узко-практической, утилитарной точки зрѣнія. Онъ не прочь бы и совсѣмъ оставить старую, языческую вѣру, если бы былъ увѣренъ, что отъ этого замѣтно улучшится его экономическое состояніе. А такъ какъ этого не замѣчается, то вотякъ и

¹⁾ Тамъ же. Стр. 30.

²⁾ Первухинъ. Эскизъ II. Стр. 119.

³⁾ Первухинъ. Эскизъ II. Стр. 1—2.

⁴⁾ Таковы же молитвы некрещеныхъ черемисъ, судя по отвѣту ихъ Преосвящ. Антонію. (Ц. Вѣд. 1901 г. Стр. 1718).

говорить: „зачѣмъ я буду бросать старую вѣру, если и некрещенные живутъ не бѣднѣ насъ, а пожалуй еще богаче!“ (Последнее обстоятельство объясняется тѣмъ, что еще сравнительно недавно богатые вотяки откупались отъ рекрутчины деньгами и оставались язычниками, а бѣдные избавлялись отъ нея крещеніемъ). Въ деревнѣ П. вотяки мнѣ говорили: „если бы богатый Александръ бросилъ старую вѣру, вся деревня бросила бы“, не потому, что боится Александра, а потому, что идолопоклонствуетъ предъ богатствомъ, и богатство замѣняетъ для вотяки всѣякіе аргументы. Между тѣмъ вотякъ видятъ и на многихъ примѣрахъ, что полный разрывъ съ язычествомъ не только не улучшаетъ матеріальнаго благосостоянія вотяка, а, напротивъ, сопровождается часто какими либо несчастіями, такъ что у вотяковъ сложилось такое убѣжденіе: если бросить старую вѣру, боги накажутъ. Вѣрности этого положенія, подтверждаемаго сказаніями о житіи нѣкоторыхъ святыхъ, не оспариваютъ и убѣжденные сторонники христіанства, дѣлая къ нему лишь слѣдующія поправки: во первыхъ, наказанія посылаютъ не боги, а бѣсы, въ отместку за измѣну имъ; во вторыхъ, несчастіе, посылаемое ими, кратковременно и исправимо въ мѣру вѣры прозелитовъ.

Молитва вотяка поражаетъ чрезмѣрностію прошеній. Вотякъ не довольствуется малымъ, а проситъ чуда, которое бы обогатило его, на похвальбу предъ всѣми сосѣдами. Я уже имѣлъ случай приводить въ печати одну изъ вотскихъ молитвъ такого рода ¹⁾. Въ настоящее время приведу выдержки изъ молитвъ, собранныхъ г. Первухиннымъ. „По оковчаніи жатвы, когда мы повеземъ хлѣбъ въ гумно, 9 овиновъ мы привеземъ, а потомъ чтобы стало изъ этого 10 овиновъ, а каждые 10 овиновъ пусть составятъ кладуху, и рядомъ съ одной кладухой пусть возникнетъ другая, а

¹⁾ Вят. Епарх. Вѣдом. 1895 г. № 15. Стр. 624—625.

въ двухъ кладухахъ пусть окажется уже 20 овиновъ.. Когда мы изъ суська будемъ брать хлѣбъ, ковшомъ ли, совкомъ ли, или лукошкомъ, пускай будетъ вовсе незамѣтна убыль его.. Если же мы будемъ подавать нищему грошь или копѣйку, сотнями и тысячами воздайте намъ... Подайте намъ серебра, чтобы у насъ чашки и ложки, столы и стулья, лавки и кровати были серебряныя.. Подайте намъ золота и серебра и да будутъ у насъ серебряныя конюшни, и чумы, и влѣти! и самые заборы вокругъ конюшенъ и чумовъ пусть будутъ серебряныя... Да умножится состоятельная родня наша отъ истоковъ Чепцы и распространится она до устьевъ ея: чтобы расселились золовка подлѣ золовки, сноха подлѣ снохи... Вотъ съ серебряными зубами, съ золотою шерстью бычья мы жертвуемъ; сколько осталось на бычкѣ шерсти и подшерстка,—пусть такъ много будетъ у насъ скотины. Пошли намъ такого скота, чтобы, взойдя въ хлѣвъ, было бы на что посмотреть, чтобы было что погладить, по шерсти и по масти,—добрымъ людямъ на радость, а злымъ на зависть... Когда мы выгонимъ скотину на дворъ, пусть она играетъ ушами и скачетъ! Когда мы погонимъ ее въ водою, пусть весь народъ смотритъ на нее съ завистью!.. Дай, о Кылдысинъ, столько, чтобы достаточно было для похвальбы предъ народомъ и для ѣдыпитья съ милыми родственниками“. ¹⁾ Несомнѣнно, что подобныя же молитвы произносить вотякъ, когда ему случится помолиться въ церкви. Недавно я спросилъ одного вотяка, о чемъ онъ молится въ церкви. Вотякъ отвѣчалъ: „Что въ церкви поють, я не разумѣю. Молюсь же по-своему такъ: ²⁾ „Вполнѣ сохрани насъ, Господи, семью мою—сыновей, дочерей, скотину нашу, посѣвы наши. Отъ всякаго несчастія и болѣзни сохрани, въ бѣдѣ не оставь. Отъ нечи-

¹⁾ Первухинъ. Эскизъ III. Стр. 11—13, 22—24, 27, 31.

²⁾ Молитва переводится съ вотскаго.

стаго духа, отъ злого глаза и уха Самъ сохрани. Пищи дай досыта набѣтись. Въ городъ бы съѣздить мнѣ благополучно съ хлѣбомъ, съ добрыми людьми знаться, хлѣбъ — соль водить, дай мнѣ, Господи!“ — А о грѣхахъ своихъ молишься ли? — спросилъ я. Вотякъ откровенно отвѣчалъ: „Есть ли, вѣтъ ли какой-нибудь грѣхъ, я не знаю“. Подобный отвѣтъ и даже категорическое отрицаніе грѣховъ изрѣдка приходится выслушивать отъ вотяковъ и на исповѣди, и въ общемъ рѣдко услышавъ отъ вотяка на исповѣди, чтобы онъ самъ припомнилъ какой-либо грѣхъ, кромѣ спрошенныхъ духовникомъ. Не сознавая своей грѣховности, вотякъ не чувствуетъ нужды избавиться отъ нея, отъ исповѣди и св. причащенія уклоняется, о чемъ могутъ свидѣтельствовать даже официальные данныя. Впрочемъ, если вотяку придется быть за литургіей во дни причащенія взрослыхъ прихожанъ, то и онъ, ничтоже сумняся, подходитъ ко св. чашѣ, не говѣвши и не исповѣдавшись, такъ что священнику инородческаго прихода всегда приходится быть въ подобныхъ случаяхъ особенно внимательнымъ къ составу причастниковъ.

Освящать бракъ церковнымъ вѣнчаніемъ вотякъ считаетъ излишнимъ и по нѣскольгу лѣтъ живетъ невѣнчаннымъ, хотя даже съ матеріальной точки зрѣнія ему очень это невыгодно, такъ какъ предстоятъ впоследствии хлопоты по усыновленію незаконнорожденныхъ дѣтей. Но, съ другой стороны, вотяку иногда выгодно, съ его точки зрѣнія, жить невѣнчаннымъ, потому что онъ въ такомъ случаѣ 1) легко можетъ прогнать отъ себя молодушку, чѣмъ либо ему не понравившуюся, 2) можетъ жениться 17, 16 лѣтъ и даже моложе, 3) иногда невѣнчанная молодушка, какъ дѣвица — **спрота**, можетъ предоставить льготу по воинской повинности **своему брату**. Замѣчательно, что прежде среди вотяковъ было меньше невѣнчанныхъ. Это объясняется тѣмъ, что

раньше вотякъ боялся духовенства, нынѣ же эмансипировался отъ такого страха, а любить и уважать еще не привыкъ. Оттого инородческіе приходы, считавшіеся раньше весьма хорошими, нынѣ стали такими бездоходными, что священникъ не получить въ нихъ прежнихъ дьячковскихъ доходовъ. Но несомнѣнно, что вотяки, когда усвоятъ христіанство, хотя въ той мѣрѣ, въ какой усвоили его русскіе, и будутъ исполнять по убѣжденію тѣ повинности, какія раньше исполняли по страху, при своей религіозности, со временемъ будутъ опять самыми желательными прихожанами.

Вотякъ-двоевѣръ ѣстъ конину, постовъ совсѣмъ не признаетъ. Бывали случаи, что мнѣ въ вотскихъ деревняхъ предлагали въ постные дни скоромное угощеніе, и мой отказъ несколько не смущалъ хозяевъ, тутъ же, за однимъ столомъ со мною, вкушавшихъ запрещенную Церковью пищу.

Насколько неудовлетворительно состояніе вотяновъ — двоевѣровъ въ религіозномъ отношеніи, настолько же печально и въ нравственномъ отношеніи. Вотякъ — эгоистъ до мозга костей; дальше его семьи и родственниковъ его благорасположеніе не распространяется. Есть такія вотскія деревни, гдѣ иззябшій путникъ не только не найдетъ себѣ пристанища, а даже выслушаетъ крупную брань за то, что безпокоитъ „добрыхъ хозяевъ“. Случись какое-нибудь несчастіе съ экипажемъ, вотякъ такую цѣну сдержитъ за услугу и помощь, что ящикъ долго будетъ чесать затылокъ и бранить услужливыхъ людей. У близъ живущихъ русскихъ эта особенность вотяновъ вошла въ поговорку. Если кто-нибудь проситъ за работу или продажную вещь очень дорого, покупатель возражаетъ: „ты точно вотякъ!“ Нищіе часто обходятъ вотскія деревни, по опыту зная, что милостыня въ нихъ будетъ очень скудная. Сборщики на храмъ также не любятъ соби-

рать по вотскимъ деревнямъ. Вотякъ очень скупъ даже для себя, надъ хлѣбомъ своимъ дрожить и, буквально, готовъ изъ-за него удавиться. Потому вотякъ и строится плохо и одѣвается бѣдно, что боится съ хлѣбомъ разстаться. Въ голодный 1891 годъ, когда распространилась вѣсть о принудительной продажѣ запасовъ хлѣба и въ деревню N, Малмыжскаго уѣзда, прѣехали начальники описывать ихъ, одинъ вотякъ удавился на своей кладухѣ, — именно на кладухѣ для того, чтобы и послѣ смерти его не смѣли, изъ суевѣрнаго страха, подступиться къ его сокровищу. Я знаю одного вотяка, удавившагося потому, что проигралъ 3 рубля.

Скупость вотяка граничить съ его склонностію къ воровству, при чемъ, не рѣшаясь на крупное воровство, онъ не брезгуетъ мелкимъ. „Всякій вотякъ — воръ, хотя гвоздь чужой, да украдетъ“, утверждалъ одинъ пожилой сельскій священникъ. Хотя, конечно, это категорическое обвиненіе и грѣшить огульностію, но очевидно, жизнь даетъ не мало матеріаловъ для такой рекомендаціи. Вотякъ вообще на воровство мелкое смотритъ снисходительно, заставляя даже боговъ своихъ заниматься имъ ¹⁾ и вѣруя въ необходимость приносить иногда жертвы краденныя ²⁾. Въ деревнѣ П., Елабужскаго уѣзда, по приказанію туно, вотяки украли лошадь и принесли ее въ жертву. Однодеревенецъ, бросившій совсѣмъ языческую вѣру, выдалъ ихъ, и мировой судья оштрафовалъ всѣхъ домохозяевъ. Въ отместку сосѣду своему, выдавшему ихъ, п — цы испортили у него лошадь.

Я говорилъ, что симпатія вотяка не распространяются дальше круга его родныхъ. Положеніе это нуждается въ иѣкоторыхъ оговариваніяхъ. Вотякъ прежде всего любитъ себи самого, и, если его узко-эгоистическимъ расчетамъ пре-

¹⁾ Труды IV Археологическаго съѣзда 1877 года. Т. II. Стр. 141.

²⁾ Червухинъ. Эскаизъ I. Стр. 92—93. Вятск. Епарх. Вѣд. 1894 г. № 20. Стр. 650.

пытствуетъ кто-либо даже изъ близкихъ родныхъ, онъ иногда отстраняетъ ихъ съ ужасающею жестокостію. Въ 1891 году въ деревнѣ Утчани, Елабужскаго уѣзда, вотякъ Капитовъ Карповъ убилъ деревянною колотушкою брата, жену его и грудного младенца ихъ за то, что братъ его имѣлъ намѣреніе отдѣлиться отъ Капитона. Въ сентябрьской сего года выѣздной сессіи Сарапульскаго окружнаго суда въ Малмыжѣ разсматривалось дѣло объ убійствѣ слѣпымъ старикомъ-вотякомъ сына своего. — „За что ты убилъ его?“ спрашивали его. — „За то, что хлѣбомъ не сталъ кормить меня, и за то, что самъ кумышку пьетъ, а мнѣ не даетъ“. Въ одной вотской семьѣ я увидѣлъ идиотку—молодушку. Оказалось, что таковою она была и въ дѣвушкахъ. Родители ея старики, люди состоятельные, не хотѣли было ее выдввать замужъ, но братъ ея, завѣдывавшій хозяйствомъ, настаивалъ, чтобы ее выдали замужъ, и сталъ постоянно бранить и бить ее. Тогда родители, жалѣя свою дочь, нашли бѣднаго жениха, который и согласился жениться на идиоткѣ за ея богатое приданое. „Зачѣмъ же N обидѣлъ сестру свою?“ спросилъ я, — „вѣдь пропитать ее въ родительскомъ домѣ нисколько не затруднительно было“. — „А брату хотѣлось выдать сестру замужъ, чтобы было ему къ кому ѣздить пировать по праздникамъ“, отвѣчали мнѣ.

Табакочуреніе и пьянство сильно распространены среди вотяковъ. Кто не курить табаку, надъ тѣмъ смѣются, называя его красной дѣвушкой. Иной вотякъ на разстается съ трубкой даже во время самыхъ моленій языческихъ. Пьютъ вино, а особенно кумышку всѣ, исключая лишь тѣхъ, кто опытомъ извѣдалъ, что хмѣльные напитки пагубны для ихъ здоровья. Не только бабы и дѣвицы, но и дѣти, даже грудные младенцы спиваются кумышкою. Мать подливаетъ кумышки въ соску своему ребенку и потомъ дуется ему на темя, „чтобы сердце не заливало“. Г. Первухинъ сообщаетъ:

„вѣря въ примѣту, что ребенокъ, вышившій во время Кутцам—быдтона (праздникъ по окончаніи молотбы), будетъ гораздо здоровѣе, вотяки стараются напоить маленькихъ дѣтей, лѣтъ 4—5, приговаривая имъ пожеланіе, чтобы они выросли хорошими помощниками при молотбѣ. Чѣмъ больше дурачатся подвыпившія дѣти, чѣмъ болѣе они прыгаютъ, тѣмъ лучше, такъ какъ этимъ предвѣщается хорошій урожай и удачная работа на будущій годъ“¹⁾. Табакомъ и кумышкою вотякъ угощаетъ и боговъ своихъ. Въ молитвѣ о поворожденномъ мальчикѣ, вотякъ проситъ боговъ своихъ возростить его, между прочимъ, и для того, чтобы „поднималъ насъ на улицѣ, когда мы упадемъ пьяными“²⁾. Праздникъ называется по вотски юон (пировня); отсюда видно, что составляетъ существенную черту его.

Рядомъ съ шашникомъ идетъ развратъ и вообще очень свободныя отношенія между полами. Купаются, напр., парни днемъ въ деревенскомъ прудѣ, а дѣвцы стоятъ на берегу и любоваются ихъ удаліемъ; дождавшись, когда тѣ одѣнутся послѣ купанія, возвращаются вмѣстѣ домой. Нерѣдко можно видѣть, какъ ходитъ молодежь по вотскимъ деревнямъ, безнастылично обнявшись, мало смущаясь даже встрѣчей со священникомъ. Пѣсни вотскія эротическаго характера мало говорятъ о чувствованіяхъ, а болѣе о чувственномъ, половомъ стремленіи, при чемъ допускается самая рѣзкая нагота выражений³⁾. Легкость нравовъ вотячекъ служитъ примачкою даже для русской молодежи, съ охотой посѣщающей вотскія игрища. Въ видѣ возмездія за развратъ, распространяется въ вотскихъ деревняхъ сифилисъ, мѣстами заразившій чуть не поголовно все населеніе.

Разсмотрѣвши жизнь и вѣрованія вотяковъ-двоевѣровъ

¹⁾ Первухинъ. Эскизъ II. Стр. 86—87.

²⁾ Первухинъ. Эскизъ III. Стр. 86.

³⁾ Тамъ же. Стр. 42, 44.

мы можем назвать ихъ христіанами лишь по имени. Но для нѣкоторыхъ изъ нихъ и этого много: нныя вотяки имени христіанскаго, даннаго имъ при крещеніи, не носятъ, а имѣютъ свои имена, частію схожія съ христіанскими, частію совсѣмъ особыя языческія, такъ называемыя муньчо-нимъес — банныя имена, которыя даетъ бабушка — повитуха по первому предмету, бросившемуся ей въ глаза. Въ моемъ приходѣ жили, напр., три брата — Авраамъ, Георгій и Теодоръ, которыхъ звали по-вотски: Кусо (коса), Сѣдык (пиголица) и Къчязъ (собств. имя).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Крѣпость вотскаго язычества.

(Окончаніе ¹⁾).

III.

Двоевѣріе вотяковъ, *типическія* черты котораго изображены въ предыдущей главѣ, въ общемъ характеризуется исповѣданіемъ крещеными вотяками старой языческой вѣры и открытымъ содержаніемъ ея обрядовъ. При благопріятныхъ условіяхъ миссія оно переходитъ въ христіанское исповѣданіе и житіе, иногда настолько возвышенное, что можетъ послужить образцомъ и для русскихъ ²⁾.

---

¹⁾ См. Вятск. Епарх. Вѣд., № 2.

²⁾ См. Вятск. Епарх. Вѣд. 1896 г. № 10. Стр. 486—488. Подобно сему и корреспондентъ Сел. Вѣсти, изъ Царевококшайска утверждаетъ,

При неблагоприятныхъ условіяхъ, религиозное чувство вотяка, извѣрившагося въ язычествѣ, стремится найти удовлетвореніе въ расколѣ. Въ Елабужскомъ уѣздѣ есть одно вотское семейство, уклонившееся въ расколъ. На всѣ увѣщанія миссіонера, вотячка отвѣчаетъ упрекомъ: „Зачѣмъ вы соловецкихъ угодниковъ мучили? да зачѣмъ баско ходите (т. е. наряжаетесь)?“ Есть случаи уклоненія вотяковъ даже въ бѣгство ¹⁾.

Наконецъ, замѣчается иногда среди вотяковъ даже безвѣріе. Однажды въ разговорѣ съ вотякомъ Д., въскольклѣтъ состоявшимъ церковнымъ сторожемъ, я между прочимъ упомянулъ о неизвѣстности часа смерти.

— „Да, не знаешь, когда умрешь“, отзывался онъ. „Кабы да я зналъ, когда умру!“

— Что же бы ты сдѣлалъ?—заинтересовался я.

— „Чисто бы работать не сталъ!“

— Что же бы сталъ дѣлать?

— „Сталъ бы гулять, сидѣть. По роднѣ бы сталъ ѣздить—кумышку пить, чайничать“ ²⁾.

— Что бываетъ съ человѣкомъ, когда онъ умретъ? какъ ты думаешь? продолжалъ я.

— „А чего я знаю, неграмотный! Вотякъ такъ вотякъ и есть, безтолковый“.

что „черемисы своею религиозностію начинаютъ иногда превосходить даже русское населеніе“ (1901 г. № 37). Томскія Епарх. Вѣд. констатируютъ тотъ фактъ, что алтайскіе язычники—калмыки, будучи оглашены въ православной вѣрѣ, нерѣдко представляютъ такіе примѣры глубокой вѣры, какіе можно рѣдко обрѣсти у рожденныхъ и воспитанныхъ въ христіанствѣ; и миссіонеры въ своихъ отчетахъ нерѣдко приводятъ такіе примѣры дѣтской и глубокой вѣры (Церк. Вѣд. 1902 г. № 28, Стр. 932). А зряне даже дали прославленнаго святого изъ своей среды—преп. Дмитрія, основателя Цилибинскаго монастыря.

¹⁾ Вятск. Епарх. Вѣд. 1902 г. № 9, Стр. 457—459. Въ Печерскомъ краю зряне сильно склонны къ расколу (Нар. Обр. 1902 г. Январь Стр. 90—91).

²⁾ Интересно сопоставить съ этими мечтами утвержденіе одного русскаго мужика: „Кабы знать мнѣ, когда я умру, такъ я бы трои сутки не вышелъ изъ-подъ иконы“.

— Однако, что-нибудь думаешь об этомъ.

— „Да думаю по своему, что лежитъ покойникъ, какъ чурка, ничего не чуетъ“.

— А душа его гдѣ?

— „А и душа не станеть, — кончается совѣмъ“.

Такое убѣжденіе, по словамъ одного школьника, присуще многимъ вотякамъ.

Подобно этому одинъ старикъ вотякъ говорилъ: „когда умреть человѣкъ, душа его растаетъ въ воздухѣ, какъ паръ“. Съ этими наблюденіями можно сопоставить то обстоятельство, что въ вотскомъ языкѣ слова луд (душа) и кэт (животъ, брюхо) — синонимы, напр., выраженіе кэт куректов крэзь (душу раздирающій напѣвъ) буквально нужно бы перевести такъ: животъ печалій напѣвъ. Въ одной вотской пѣснѣ есть выраженіе: „о, животъ мой, животъ! душа моя, душа! что вы думаете теперь насчетъ будущаго?“¹⁾ Примѣчательно также и то, что вотское слово бус означаетъ въ иныхъ мѣстахъ — паръ, въ другихъ — духъ.

Но чаще открытое двоевѣріе вотяка вступаетъ въ новый фазисъ, только нѣсколько наружно видоизмѣняясь, теряя свои рѣзкія, бросающіяся въ глаза черты, стушевываясь настолько, что обманываетъ многихъ сельскихъ батюшекъ, склонныхъ, послѣ усиленныхъ и долготѣнныхъ своихъ трудовъ на миссіонерскомъ поприщѣ, смотрѣть оптимистично на религіозно-нравственное состояніе своихъ прихожанъ — вотяковъ. Вотякъ оставляетъ языческіе обряды, болѣе привязывается внѣшне къ христіанской религіи, но въ душѣ остается язычникомъ. Въ особенности обманчивое впечатлѣніе производятъ такіе вотяки на человѣка, жившаго прежде въ другой мѣстности, гдѣ вотяки открыто исполняютъ всѣ языческіе обряды. Видишь, вотякъ ходитъ въ церковь, соблю-

¹⁾ Первухинъ. Эскизъ III. Стр. 41, 58.

даеть посты, охотно идетъ къ исповѣди и св. причащенію, не живетъ невѣнчаннымъ, не приходится крестить массы незаконорожденныхъ дѣтей, не видишь шумныхъ языческихъ моленій, не находишь слѣдовъ язычества даже въ вѣрованіяхъ народныхъ, — и умиляешься душою. Но при большемъ знакомствѣ съ вотяками и болѣе внимательномъ взглядѣ на ихъ религіозно-нравственное состояніе ихъ, находишь въ добавленіе къ каждой хорошей чертѣ досадное *но*. Вотякъ ходитъ въ церковь, но все же много рѣже, чѣмъ русскіе. Молится усердно, но только о земныхъ благахъ. Часто служить благодарственные молебны, но только по обѣту. Если же обѣтъ не данъ былъ, то отвращеніе явной и, казалось, неминуемой опасности не располагаетъ его къ молитвенному благодаренію. Притомъ въ церковной молитвѣ вотякъ болѣе всего любитъ обрядъ — водоосвященіе, крестный ходъ вокругъ усадьбы и т. п. Вотякъ соблюдаетъ посты, но не все и не строго; ходитъ на исповѣдь и ко св. причащенію, но стремится удѣлить на этотъ христіанскій долгъ возможно менѣе времени; вѣнчается вскорѣ послѣ свадьбы, но не одновременно со свадьбою, а чрезъ нѣсколько дней, недѣль и мѣсяцевъ; служатъ нѣкоторые панихиды, но только въ первые 40 дней послѣ смерти родственниковъ и въ нѣкоторыя родительскія субботы. Ищешь безъ результатовъ слѣдовъ язычества, но оказывается, они есть, только вотяки скрываютъ и стыдятся ихъ и даже считаютъ признакомъ твердости въ христіанствѣ полное умолчаніе о прежнихъ языческихъ обычаяхъ. Поголовное распространеніе пьянства, даже среди стоящихъ одной ногой въ могилѣ стариковъ, равнодушное отношеніе умирающихъ къ своему душевному состоянію еще болѣе расхолаживаютъ восторженное состояніе наблюдателя. Мнѣ одинъ вотякъ, объясняя сильно распространенную среди вотяковъ примѣту не работать, особенно не стучать чѣмъ-либо металлическимъ въ

самый полдень, говорилъ, что этого не любить богъ — солнце (шунды—иньмар). Чѣмъ же держится такъ крѣпко язычество? что составляетъ главный корень его, твердую крѣпость его? Какъ въ военномъ дѣлѣ полководцы прилагаютъ большія усилія къ занятію непріятельскихъ крѣпостей, считая безъ того свою задачу не законченною и край не замѣреннымъ, такъ и въ борьбѣ съ язычествомъ миссіонеры должны всѣ усилія свои обратить на то, чтобы узнать, въ чемъ состоитъ крѣпость язычества, и противъ нея направить свои усилія. Гдѣ же эта крѣпость? Несомнѣнно, *въ взглядѣ инородца на загробную жизнь*, опредѣляющемъ не только цѣль его жизни и характеръ ея, но даже и всѣ вѣрованія его.

IV.

Итакъ, въ какомъ же видѣ представляетъ себѣ вотякъ загробную жизнь? Если предложить ему этотъ вопросъ, онъ затруднится отвѣтомъ, потому что не привыкъ точно и систематично формулировать свои вѣрованія, проявляя ихъ болѣе практически, въ формѣ обрядовъ. И если мы обратимся къ разсмотрѣнію вотскихъ обрядовъ погребенія и поминовенія умершихъ, то найдемъ въ нихъ довольно опредѣленный отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ, а именно: вотякъ думаетъ, что загробная жизнь такова же, какова и земная; чѣмъ человекъ занимался до смерти, тѣмъ будетъ заниматься и послѣ смерти; въ какомъ возрастѣ умеръ, въ томъ возрастѣ начнетъ и загробную жизнь. Съ этою цѣлью родственники въ гробъ умершему кладутъ лишнюю перемѣну бѣлья, денегъ, любимыя покойникомъ вещи, мужикамъ — ножъ, кочедыкъ лапти плести, трубку и кисеть съ табакомъ, старикамъ посохъ, женщинамъ — серебро, которое онѣ носили, какъ украшеніе, на головѣ и груди, дѣвушкамъ много всякой одежды, такъ какъ умершіе холостыми скорѣе

посватаются на томъ свѣтѣ за дѣвушекъ съ большимъ приданымъ, ребятамъ—чашечки, ложечки, любимыя игрушки, меду или масла въ ротъ. Иногда, по словамъ о. Гаврилова, мать, прощаясь съ своимъ умершимъ ребенкомъ, выдавливаютъ въ ротъ ему трижды молоко изъ груди¹⁾. Полагая деньги въ гробъ, приговариваютъ: „жилъ бы на томъ свѣтѣ съ деньгами, не нуждаясь“. Иногда провожаютъ изъ дома покойника съ веселыми пѣснями. Когда у вотяга В. умерла жена, со всей деревни собрались къ его дому бабы и дѣвушки въ бѣлыхъ одеждахъ и довольно долго пѣли веселыя пѣсни и плясали предъ окнами. Потомъ В. запрегъ пару лошадей съ колокольчиками, поставилъ на дроги гробъ съ покойницею и поѣхалъ. Женщины съ пѣснями провожали его далеко за околицу, а затѣмъ, сидя на гробу, В. во весь духъ погналъ къ церкви. Долго потомъ онъ хвалился тѣмъ, какъ хорошо провожали его покойницу. „Не будетъ теперь жаловаться баба, что плохо ее почитали. Девятнадцать четвертей кумышка выпили на провозанкахъ! Такъ же весело будетъ жить и на томъ свѣтѣ!“ На могилѣ поминаютъ покойника хлѣбомъ и кумышкою; сами пьютъ и ѣдятъ и умершему на могилу льютъ и крошатъ, приговаривая: „пьемъ кумышку и тебѣ льемъ, пусть падетъ предъ тобою, пей эту кумышку на томъ свѣтѣ. Хлѣбомъ поминаемъ, ѣшь его тамъ; ѣшь и пей съ новыми твоими товарищами, живи съ ними дружно“. Съ такими же пожеланіями поминуютъ умершаго и дома, воротившись съ кладбища. Обыкновенно слѣдующую умершему часть бросаютъ въ корыто, которое потомъ выставляютъ собакамъ. При этомъ кормятъ не только этого покойника, а и другихъ умершихъ, которые могутъ прийти въ гости къ нему. Последнимъ бросаютъ въ окно колобогъ и просятъ удовольствоваться имъ и не отни-

¹⁾ „Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ“. Стр. 184.

мать угощенія у того покойника, для котораго специально устроены поминки.

Если умершій былъ не моложе 10 лѣтъ, ему чрезъ годъ или позже закалаютъ лошадь (мужчинѣ) или корову (женщинѣ), „чтобы жилъ хорошо на томъ свѣтѣ со скотиною“, и говорятъ: „общали тебѣ мы корову; вотъ даемъ -- пусть предстанетъ предъ тобою“. Ободранныя голову и ноги скотины ребятишки въ лукошкѣ увозятъ съ шумомъ и свадебными пѣснями и выбрасываютъ на какое-нибудь определенное мѣсто. Для кого устроенъ бываетъ этотъ обрядъ, именуемый йыр-пыд сюан (свадебное торжество по поводу предложенія головы и ногъ), тотъ на томъ свѣтѣ, по словамъ вотяковъ, „больно весело живетъ“.

Поминаютъ еще родителей вотяки наканунѣ нѣкоторыхъ праздниковъ. Ставятъ при этомъ на столъ кумышки, пива, кушавій, въ особенности тѣхъ, которыя любили покойные; затѣмъ поминуютъ по именамъ родителей, пьютъ и ѣдятъ и ихъ просятъ раздѣлить трапезу, отдѣляя имъ части также въ борыто. Не пить кумышку при этомъ поминовеніи родителей грѣшно, но понятіямъ вотяковъ. Потомъ идутъ къ тѣмъ сосѣдямъ, съ которыми перегащивались старики, и тамъ совершаютъ тотъ же обрядъ, поминая своихъ и хозяйскихъ усопшихъ. Если родня у вотяка въ деревнѣ велика, то онъ въ концѣ дня такъ „напоминается“, что вынужденъ бываетъ въ послѣдніе дома ходить на четверенькахъ. На другой день, въ самый праздникъ, утромъ, домохозяинъ, опять поминувши стариковъ, чтобы опохмѣлиться имъ, выходитъ, какъ бы провожая ихъ, изъ избы и говоритъ имъ на прощаніе: дзэч бэртэ! —счастливо отправляться!

Послѣ смерти своей люди, по понятіямъ вотяковъ, получаютъ чрезвычайныя силы, направляемыя или къ благополучію той семьи, изъ которой они вышли, или къ нака-

завію ея, въ особенности за забвеніе поминовенія ихъ. Въ рукахъ умершихъ стариковъ находится урожай, здоровье и благоденствіе людей и скотины, почему вотяки, предлагая кушанія и кумышку своимъ старикамъ, просятъ ихъ за это беречь ихъ скотину, наградить ихъ урожаемъ и всякимъ благополучіемъ, чтобы было чѣмъ и потомъ ихъ угостить; сохранить отъ болѣзней. Вообще о чемъ просить вотякъ въ своей молитвѣ боговъ, о томъ же проситъ и умершихъ своихъ стариковъ, ставя и имъ восковыя свѣчи, тѣмъ признавая ихъ какъ бы равносильными и равночестными богамъ. Только глаголъ *восяськыны* (молиться) не прилагается къ прошеніямъ, обращаемымъ къ предкамъ, замѣняясь глаголомъ *йыбыртыны* (клянутся); лишь однажды *миѣ* случилось услышать отъ вотяка выраженіе *восяськиз отаезлы, анаезлы* — помолился своему отцу, матери.

Случись вотяку внезапная болѣзнь на дорогѣ, онъ увѣренъ, что его, „старикъ поймалъ“, и тутъ же, обратившись къ сѣверу, начинаетъ крошить хлѣбъ, поминая стариковъ. Если скотина потеряется, говорятъ: „старики ее спрятали“. Если увидитъ ее посторонній, то не скажетъ хозяину, — иначе на него разсердятся старики за неумѣстное вмѣшательство. Вообще чаще видятъ вотякъ зло отъ своихъ предковъ, чѣмъ добро, почему будетъ не безосновательно предположить, что умершіе предки становятся подобны шайтанамъ и другимъ многообразнымъ злымъ духамъ. Предположеніе это доказывается многими фактами. 1) При поминовеніи стариковъ запрещается говорить при молитвѣ формулу „осто, козма“ (соотвѣтственную нашему: Господи, благослови!), которую очень не любятъ и шайтаны. 2) При молитвѣ богамъ подъ открытымъ небомъ вотяки обращаются къ югу, а при поминовеніи предковъ — въ противоположную сторону, къ сѣверу. 3) Частныя поминки бывають обязательно ночью, а не днемъ, какъ

моленія. 4) Общественные поминки устраиваются гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ, обыкновенно въ сыромъ, тѣнистомъ логу. 5) Вотяки боятся своихъ умершихъ стариковъ и заботятся, чтобы они безъ приглашенія къ нимъ не приходили. Иные при выносѣ покойника изъ дома, свимають съ крюковъ дверь и прилаживаютъ ее такъ, чтобы она отворялась не въ ту сторону, какъ прежде. На дворѣ гробъ ставятъ на обрубокъ и нѣсколько разъ повертываютъ его на немъ. Все это дѣлають для того, чтобы покойникъ не могъ ориентироваться на новоселья и найти дорогу въ старое жилище. 6) Считаютъ оскверненіемъ прикосновеніе къ покойнику и даже къ гробу и щепкамъ отъ него; послѣднія вывозятъ за деревню и сжигаютъ; а послѣ похоронъ и поминокъ омываются въ банѣ, или по крайней мѣрѣ грѣютъ надъ огнемъ шапки и руки, что вотяки дѣлають также и послѣ жертвоприношеній духамъ кутысямъ и нюлэс—муртамъ¹⁾). Вообще вотякъ очень очень епѣшитъ съ похоровами, стараясь поскорѣе избавиться отъ покойника. Если при всей своей торопливости, не успѣютъ схоронить покойника до ночи и оставляютъ его дома, то всю ту ночь не спятъ. 7) Обувая умершаго въ лапти, вотяки, противъ обыкновенія, не перекрещиваютъ веревокъ спереди ноги и говорятъ, что дѣлають такъ „на шайтанскую форму“. 8) Вотяки вѣрятъ, что на кладбищѣ живетъ шайтанъ. 9) Очень знаменательно сопоставленіе вотскихъ словъ: шай (кладбище), шай-гу (могила), шайтан (злой духъ), очевидно происходящихъ отъ одного корня. 10) Вотяки называютъ нюлэс—муртовъ, ву—муртовъ и др. нюня (дядя), мумыэ (маменька моя. Разные злые духи, по понятіямъ вотяковъ, ведутъ жизнь, подобную человѣческой, почему и называются муртами—людьми. Они живутъ семьями, разводятъ хозяйства, даже скотъ, устраиваютъ свадьбы и пируютъ, ѣздятъ подъ видомъ людей по ярмаркамъ торговать и играть въ карты, колютъ дрова, щеплютъ лучину, прядутъ

¹⁾ Первухинъ. Эскизъ II. Стр. 62, 100.

и ткутъ и т. п. Вообще злые духи, по представленію вотяковъ, не такъ мрачны, отвратительны и злы, какими они рисуется воображенію русскихъ. Они довольно простоваты, такъ что хитрый вотякъ можетъ ихъ обмануть. Не прочь подь часъ они и добро сдѣлать человѣку, напр., исцѣлить отъ болѣзней и т. п., о чемъ и просятъ ихъ, принося имъ жертвы.

Отсюда уже естественъ переходъ къ высшимъ божествамъ вотскаго пантеона, которыя также вкушаютъ жертвы, принимая ихъ отъ людей. Слѣды генетической связи добрыхъ божествъ со злыми, вообще довольно ясныя, сказываются между прочимъ въ такомъ обычаѣ. Вотякъ вѣритъ, что Иньмаръ иногда даетъ волю шайтанамъ, вѣдунамъ и проч. портить людей. Въ предотвращеніе этого вреда вотякъ курить въ избахъ пихтой и кладетъ на порогъ и окна рябиновыя сучья: всякая нечисть не любитъ-де рябины и пихты. Но замѣчательно, что при вотскихъ богомольяхъ и верховнымъ божествамъ, запрещается употреблять рябиновые и пихтовые колья. Очевидно, въ данномъ случаѣ сказывается общность антипатій и шайтана и иньмара. У г. Первухина записаны вотскія молитвы, въ которыхъ есть совместное обращеніе то вмѣстѣ къ высшимъ богамъ и „дядевъ-къ льшему“, то къ этимъ же богамъ и предкамъ, напр.: „Будьте здоровы, о Инмаръ, Кылдысинъ, Квазь, воршудъ Удыя! И вы, прежде жившіе, отцы, матери, дяди, дѣти, все вмѣстѣ приходите ѣсть—пить и будьте здоровы!“¹⁾

Итакъ, культъ предковъ является первоисточникомъ всей вотской теологіи. Онъ же опредѣляетъ и норму нравственнаго поведенія вотяка. Этика его предписываетъ лишь заботливость о себѣ и своемъ родѣ, въ лицѣ какъ живыхъ, такъ и умершихъ его членовъ, — первымъ снискивать возможные житейскія блага, вторыхъ (въ томъ числѣ и бо-

¹⁾ Первухинъ. Эскизы II. Стр. 75.

говъ) кормить и поить своевременно жертвами. Исполни это — и о дальнѣйшемъ не заботься.

Повѣрья вотяковъ о загробной жизни, изложенныя мною по личнымъ наблюденіямъ и разспросамъ вотяковъ разныхъ мѣстностей и вполнѣ согласныя съ изслѣдованіями извѣстныхъ знатововъ вотскаго быта (Гаврилова, Верецагина, Первухина, Смирнова), представлены мною, такъ сказать, въ сконцентрированномъ видѣ, хотя въ дѣйствительности одни обряды содержатся въ одной мѣстности, другіе—въ другой. Наибольшая цѣнность и полнота ихъ наблюдается тамъ, гдѣ еще очень крѣпко язычество; въ мѣстностяхъ же, гдѣ христіанскія идеи и порядки пересилили языческіе, — старые обряды при поминаніи и погребеніи умершихъ сохранились въ слабой формѣ, такъ что интенсивность язычества въ данной мѣстности можно безошибочно измѣрять степенью устойчивости и полноты похоронныхъ и поминанныхъ обрядовъ.

Въ томъ приходѣ, гдѣ я живу, языческія моленія среди вотяковъ совсѣмъ прекратились, но религіозно-нравственное состояніе вотяковъ оставляетъ желать многого. Недоумѣвая, чѣмъ тормозится преусиѣваніе его, я сталъ разспрашивать вотяковъ, какъ они поминаютъ своихъ стариковъ. Долго не могъ узнать ничего подозрительнаго, потому что вотякъ вообще скрытенъ, кому же наивно увѣренъ, что полное забвеніе какихъ-либо повѣрій и обрядовъ старой вѣры можетъ послужить лучшей рекомендаціей его преданности христіанству. Лишь отъ дѣтей, учащихся въ школахъ и болѣе довѣрчивыхъ, удалось мнѣ разузнать, что въ вотскихъ деревняхъ при поминкахъ соблюдаютъ нѣкоторые языческіе обычаи, хотя очень незамѣтные, но все же несомнѣнно свидѣтельствующіе, что вотякъ остается въ душѣ язычникомъ. Этому заключенію вскольکو не противорѣчитъ тотъ фактъ, что вотяки просятъ причтъ до 40 дней поминать ихъ умер-

шихъ родственниковъ. Это объясняется не стремленіемъ облегчить загробную участь умершихъ, а заботою не огорчить ихъ своимъ невниманіемъ. По словамъ о. К. В., вотяки вѣрятъ, что до 40 дней умершіе имѣютъ особенную силу вредить людямъ. Вотякъ Г. М., когда у него умерла мать, на мое предложеніе позаботиться о церковномъ поминовеніи ея до 40 дней, отвѣтилъ мнѣ: „отца я хоронилъ безъ сорокоуста; теперь онъ осердится, что мать я больше почитаю“. Произведенная мною вѣсколько лѣтъ тому назадъ опись крестьянскихъ домашнихъ бібліотекъ и стѣнныхъ картинъ констатировала между прочимъ тотъ фактъ, что, въ то время, какъ русскіе очень интересуются вопросомъ о концѣ міра и загробной жизни и приобрѣли не мало трактующихъ объ этомъ книжекъ и картинъ, въ вотскихъ избахъ не нашлось ни одной книжки и ни одной картины на эту тему.

V.

Если культъ предковъ является основою, на которой создалась вся теологія и этика вотяка, крѣпостью язычества, то очевидно, что противъ него должны быть направлены главныя усилія миссіонеровъ. Какъ же расшатать эти устои язычества, чѣмъ пробить брешь въ этой крѣпости и дать возможность вторгнуться во тьму и сѣнь смертнующа сіяющему свѣту Христовой истины?

Издревле извѣстно, что *verba docent, exempla trahunt*. Слѣдовательно, и убѣдится вотякъ въ ложности своихъ вѣрованій о загробной жизни скорѣе всего тогда, когда увидитъ примѣръ челоуѣка, привязаннаго болѣе къ небу, чѣмъ къ землѣ, ищущаго царствія Божія и правды его, а не того, что имы, или что піемъ и чимъ одеждемся: всѣхъ бо сихъ языцы ищуть. Этимъ были сильны и этимъ расчисляли

путь христіанской вѣры великія подвижники — миссіонеры. Напр. св. Стефанъ Пермскій, сжигая языческія кумирницы со всѣми ихъ богатствами — дорогими мѣхами, тонкими пеленами, золотомъ и серебромъ, приводилъ тѣмъ въ изумленіе зырянъ. „И о семъ зѣло дивляхуся пермяне, глаголюще: како не пріимаше себѣ всего того въ корысть? како не искаше себѣ въ томъ прибытка, како отривуся и презрѣ толико имѣнія си, како поверже си толика стяжанія?“¹⁾

Несомнѣнно, есть истинные пастыри-миссіонеры и вынѣ; но несомнѣнно и то, что всегда подвижники были лишь счастливымъ исключеніемъ, а средній типъ всегда болѣе или менѣе далекъ отъ идеала. И существующій способъ содержанія духовенства не даетъ основаній надѣяться на выработку жизни наиболее отвѣчающаго интересамъ миссій типа пастыря. Вотакъ, при своей скупости и вѣхами нажитой недовѣрчивости, долго еще будетъ склоненъ подозрѣвать въ священникѣ, отклоняющемъ его отъ язычества, корыстные расчеты.

Не могутъ ли служить, если не примѣромъ истинно-христіанской жизни, то по крайней мѣрѣ безкорыстными, въ глазахъ инородца, проповѣдниками ея русскіе прихожане? Косвеннымъ образомъ — да, поскольку они знакомятъ вотяковъ съ русскимъ языкомъ и вообще русскою культурою. Но для прямого воздѣйствія русскихъ на вотяковъ, въ религіозномъ отношеніи, есть нѣкоторыя существенныя препятствія. Во первыхъ, вотякъ русскаго въ примѣръ себѣ не ставитъ: „всякому де своя вѣра дана, русскому Богъ далъ русскую вѣру, а мнѣ — вотскую“. Во вторыхъ, русскіе крестьяне, по своей неразвитости, видятъ сущность религіи въ обрядахъ, и, не замѣчая въ инородцахъ строгаго и послѣдовательнаго соблюденія обрядовъ христіанской вѣры, относятся къ нимъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, надѣ-

¹⁾ Красновъ. Зыряне и св. Стефанъ Перм. Стр. 16.

ляють ихъ всевозможными обидными прозвищами и тѣмъ отталкиваютъ ихъ отъ себя. Одна русская женщина, жившая временно на постоѣ въ вотской избѣ, предъ Пасхою обратилась къ священнику, моему сосѣду, съ просьбою очистить ее отъ этого оскверненія, „хотя ту молитву прочитай, которую читаешь, когда колодезь осквернится гадиной“. Особенно брезгливы въ этомъ отношеніи раскольники, и миссіонерамъ иногда приходится выслушивать упреки ихъ, зачѣмъ допускаютъ молиться въ церковь, а тѣмъ болѣе къ причащенію, вотяковъ, черемисъ „и всякую нечисть“. Одна раскольница говорила мнѣ: „Въ вашей церкви стоитъ впереди какой-нибудь вотякъ, пологрудый, табачищемъ отъ него разить; да чтобы я съ такимъ идоломъ вѣстѣ стала молиться!“ Православные относятся къ вотякамъ нѣсколько свисходительнѣе, но и они при всякомъ удобномъ случаѣ готовы дать повяť свое превосходство; напр. при крестинахъ русскій обижается, если его младенца погрузить въ купели послѣ вотскаго. Нечистоплотность вотяковъ также даетъ поводъ русскимъ относиться къ нимъ презрительно; сами же русскіе въ этомъ отношеніи бываютъ иногда крайне щепетильны *). Вотяки, зная, конечно, такое отношеніе къ нимъ русскихъ, смотрятъ на это довольно добродушно. Однажды, когда я бесѣдовалъ съ вотяками о будущей жизни, объ адѣ и раѣ, одинъ изъ вотяковъ спросилъ меня съ ироніей: „Да пустятъ ли насъ русскіе въ рай-то?“

Напротивъ, тамъ, гдѣ язычество сильно, а русскіе — въ меньшинствѣ, послѣдніе иногда подчиняются вліянію вотскихъ нравовъ и обычаевъ, напр. принимаютъ участіе въ вотскихъ языческихъ моленіяхъ, если не молитвою, то по крайней мѣрѣ участіемъ въ расходахъ и пиршествѣ на праздниѣ. Бывшій мой прихожанинъ А. самъ мнѣ ска-

*) Спрашивали, напр., однажды меня: „не грѣхъ ли ѣсть молоко отъ коровы, выпавшей молока, въ которое упала мышь“.

зываетъ: „всегда мы, русскіе, владеемъ, когда вотяки собираютъ деньги покупать лошадь или корову на богомолье свое; что подѣлаешь, бачко? съ вотяками живешь—ихній обычай и исполняешь“. Сообщаютъ же про русскихъ оленепромышленниковъ, что они приносятъ жертвы самоѣдскимъ идоламъ, прося ихъ устроить благополучною переправу оленьихъ стадъ съ острововъ сѣвернаго океана на материкъ. Подобно сему въ послѣднемъ отчетѣ казанскаго Братства Св. Гурія говорится: „въ деревнѣ Вонь-жеполь, Царевококшайскаго уѣзда, переселившіеся туда прежде русскіе, попавъ въ среду черемисъ, очеремисились и перемѣнили свой русскій костюмъ на бѣлый черемисскій, при чемъ въ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей значительно подчинились вліянію на нихъ язычествующихъ черемисъ: соблюдаютъ черемисскіе праздники и ходятъ на черемисскія моленія ѣсть жертвенное мясо“.

Если въ дѣлѣ насажденія христіанской вѣры русскіе не оказываютъ того воздѣйствія на вотяковъ, которое они могли бы оказать, какъ старшіе братья инородцевъ по вѣрѣ, то лучшія личности, проникнутыя духомъ христіанства, изъ самыхъ вотяковъ могутъ быть незамѣнимыми миссіонерами. Такой способъ миссіонерства у насъ практиковался еще въ первой половинѣ XVIII в. *). Вотякъ вотяка лучше пойметъ и болѣе ему довѣритъ, такъ какъ ему нѣтъ основаній заподозрить его въ какихъ-либо заднихъ цѣляхъ. Конечно, такіе немудрые миссіонеры нуждаются въ нѣкоторомъ руководствѣ со стороны священника, которому будутъ лучшими помощниками. Я знаю примѣры того, какъ такіе доморощенные миссіонеры отвлекали всю деревню отъ старой языческой вѣры и распространяли свое благотворное вліяніе на многія другія деревни. Такіе люди найдутся въ каждомъ инородческомъ приходѣ. Необходимо священнику найти ихъ,

*) Лупповъ. Христіанство у вотяковъ. Стр. 287.

ободрить и вдохновить ихъ указаніемъ на высоту ихъ задачи и направить ихъ дѣятельность по надлежащему пути *).

Наряду съ устной проповѣдью христіанства и въ частности ученія о загробной жизни и мздовоздаяніи должно идти распространеніе популярныхъ брошюръ и листовъ, трактующихъ на эти темы. Вотьякъ, недовѣрчиво относящійся къ устной проповѣди, напротивъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ печатному слову. И одною изъ главныхъ заботъ священника инородческаго прихода должно быть распространеніе среди инородцевъ книжекъ о будущей жизни и страшномъ судѣ, а также и соответствующихъ картинъ. Последнія въ особенности производятъ сильное впечатлѣніе на младенческую душу язычника. Общеизвѣстный примѣръ тому мы видимъ въ житіи Св. Князя Владиміра. Припомнимъ, что бесплатная раздача листовъ и брошюръ прихожанамъ, въ миссіонерскихъ цѣляхъ, вмѣнена даже въ обязанности духовенству. Къ сожалѣнію, доступныя для инородцевъ по изложенію брошюры и листки составляютъ, какъ я уже имѣлъ случай говорить на страницахъ настоящаго изданія, рѣдкое исключеніе. Нѣтъ для вотьяковъ брошюръ о загробной жизни и на восточномъ языкѣ, тогда какъ для татаръ и черемисъ Прав. мисс. общество, очевидно признаніи этого вопроса кардинальнымъ въ дѣлѣ смѣны языческаго міросозерцанія христіанскимъ, издавало на ихъ нарѣчійхъ книжки о загробной жизни.

Замѣчено также, какъ лично мною, такъ и нѣкоторыми ревнителями инородческаго просвѣщенія, что вотьяки, вѣровація которыхъ находятся въ переходномъ состояніи, съ громаднымъ интересомъ слушаютъ житія свв. мучениковъ и подвижниковъ. Не потому ли такъ интересуютъ ихъ житія

*) Въ виду этого и желательно скорѣйшее открытіе въ Вотьякъ проектированныхъ курсовъ для обученія инородцевъ въ цѣляхъ опредѣленія ихъ въ клиръ инородческихъ приходовъ. *Ред.*

св. угодниковъ, что они служатъ нагляднымъ примѣромъ жизни не отъ міра сего и восполняютъ скудость наблюдаемой подобныя примѣровъ, представляемыхъ современною жизнью? И миссіонеры должны пользоваться этимъ благодарнымъ средствомъ укрѣпленія христіанской вѣры инородцевъ въ загробную жизнь, предлагая слушателямъ повѣствованія о св. угодникахъ и картины, изображающія ихъ подвиги и мученія. При этомъ, въ противовѣсъ убѣжденію инородцевъ, что каждому народу Господь далъ свою вѣру, необходимо подчеркивать ту мысль, что въ царствіе Божіе, Соборную Христову Церковь идутъ чада изъ всѣхъ народовъ, отъ сѣвера и запада, и моря и востока.

Несомнѣнно, правильно поставленная, съ миссіонерскою окраскою, школа будетъ лучшею и надежнѣйшею союзницею миссіонеру, воспитывая на христіанскихъ началахъ своихъ питомцевъ и распространяя черезъ нихъ свѣтъ Христовъ и на неграмотныхъ. Но видѣть въ ней исключительное средство къ просвѣщенію инородцевъ было бы печальною односторонностію, раздѣляемою, къ сожалѣнію, многими.

Наконецъ, въ цѣляхъ укрѣпленія новокрещенныхъ въ истинахъ Христовой вѣры, св. Стефанъ Пермскій пользовался еще слѣдующимъ средствомъ. Онъ дѣлалъ на иконахъ надписи на зырянскомъ языкѣ, поясняющія изображеніе. Такія надписи сохранились до нашего времени на двухъ иконахъ Вожемской церкви, Вологодской епархіи: на одной, изображающей явленіе Бога Аврааму подъ Мамврійскимъ дубомъ, сдѣланъ переводъ по зырянски Быт. 18, 1—8; на второй иконѣ сошествія Св. Духа на апостоловъ переводъ Дѣян. 2, 1—4. Нынѣ во многихъ инородческихъ селеніяхъ ставятся большіе кресты или столбики съ иконами, или по желанію самыхъ инородцевъ, или по предложенію миссіонеровъ, какъ видимый знакъ торжества христіан-

ства. Почему бы на этих крестах и столбах не дѣлать на инородческихъ языкахъ краткихъ надписей, трактующихъ о главномъ пунктѣ разномыслія язычниковъ съ христіанами? Умѣстенъ былъ бы переводъ, напр., слѣдующихъ текстовъ: Какъ польза человѣку, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщетитъ? или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою? Пріити бо иматъ Сынъ человѣческій во славу Отца Своего со Ангелы Своими, и тогда воздастъ комуждо по дѣланіемъ его (Матѣ. 16, 26. 27). И идутъ сіи (грѣшницы) въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный (Матѣ. 25, 46). Въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи на небеси суть (Матѣ. 22, 30). Все сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота, а сотворшии злая въ воскресеніе суда (Іоанн. 5, 28. 29). Всѣмъ явится намъ подсбаеть предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметь кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла (2 Кор. 5, 10). Постоянное напоминовеніе этихъ истинъ утверждало бы младенчествуящихъ христіанъ въ христіанскомъ настроеніи и міровоззрѣніи.

Опытъ и пастырская ревность укажутъ миссіонерамъ еще многія средства къ утвержденію въ христіанской вѣрѣ инородцевъ. Необходимо лишь, чтобы всѣ обратили вниманіе на то, что вѣрованіе язычествующихъ инородцевъ о загробной жизни составляетъ самую крѣпкую твердыню язычества, и противъ нея бы направили дружныя усилія. Тогда, сбитые со своихъ позицій, язычники удобнѣе будутъ уловляемы въ Царство Христово.

Священникъ *Михаилъ Елабужскій.*
